

Семья Курцей

март 1939 года

Фелиция
4 месяца

Мила
29 лет (муж Селим)

Яков
23 года (Белла)

Генек
31 год (жена Херта)

Адди
25 лет

Халина
21 год (Адам)

Сол и Нехума
52 года 50 лет

*Моему дедушке Адди, с любовью и изумлением.
И моему мужу Роберту, от всего сердца.*

Основано на реальных событиях

*К концу Холокоста из трех миллионов польских евреев
было уничтожено девяносто процентов.
Из тридцати с лишним тысяч евреев, которые проживали
в Радоме, уцелело меньше трехсот.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

Адди

Париж, Франция
начало марта 1939 года

Он не планировал не спать всю ночь. Собирался уйти из «Гранд-Дюк» около полуночи и урвать несколько часов сна на Северном вокзале перед отправлением поезда до Тулузы. А теперь — он бросил взгляд на часы — почти шесть утра.

Это все Монмартр. Джаз-клубы и кабаре, толпы парижан, молодых и дерзких, которым ничто, даже угроза войны, не может испортить настроение. Это опьяняет. Он допивает коньяк и встает, борясь с искушением остаться еще на один, последний сет; наверняка есть поезд и позже. Но он думает о письме в кармане пальто, и дыхание перехватывает. Надо идти. Он берет пальто, шарф и кепку, прощается со спутниками и пробирается к выходу между столиками, еще наполовину занятыми посетителями, которые курят «Житан»¹ и покачиваются под песню Билли Холидей² *Time on My Hands*.

Когда двери за ним закрываются, Адди глубоко вдыхает, наслаждаясь свежим воздухом, сырым и прохладным. Иней на рю Пигаль начинает таять, и камни мостовой переливаются всеми оттенками серого под небом уходящей зимы. Чтобы успеть на поезд, придется поторопиться. Поворачиваясь, он ук-

¹ *Gitanes* (в пер. с фр. «цыганка») — культовая марка французских сигарет, основанная в 1910 году. Она является своеобразной частью французского стиля. — Здесь и далее — прим. пер.

² Билли Холидей, настоящее имя Элеанора Фейган (1915–1959) — американская певица, во многом повлиявшая на развитие джазового вокала своим оригинальным стилем пения.

радкой бросает взгляд на свое отражение в витрине клуба: на него смотрит молодой человек приличного вида, несмотря на бессонную ночь. Уверенная поза, брюки высоко на талии, по-прежнему подвернутые и отутюженные, темные волосы зачесаны назад, как ему нравится, аккуратно, без пробора. Обернув шарф вокруг шеи, он направляется к вокзалу.

В других частях города улицы, наверное, еще тихие и пустынные. Большинство закрывающих витрины решеток не откроются до полудня. Некоторые, чьи владельцы сбежали в сельскую местность, не откроются вовсе. «Закрето на неопределенный срок» — гласят таблички в витринах. Но здесь, на Монмартре, суббота плавно перешла в воскресенье, и на оживленных улицах полно художников и танцоров, музыкантов и студентов. Они вываливаются из клубов и кабаре, смеются и ведут себя так, будто ничто в мире их не волнует. Адди опускает подбородок в воротник пальто и поднимает глаза как раз вовремя, чтобы не налететь на девушку в платье из серебристой парчи.

— Извините, мсье, — покраснев, улыбается она из-под желтого берета с пером.

Певица, догадывается Адди. Неделю назад он завел бы с ней разговор.

— Здравствуйте, мадмуазель, — кивает он, не останавливаясь.

Адди заворачивает на рю Виктор Массе, где около кругло-суточной закусочной «Митчеллс» уже начинает собираться очередь. От аромата жареной курицы в животе бурчит. Сквозь стеклянную дверь ресторана видны посетители, болтающие над дымящимися кружками с кофе и тарелками с плотным американским завтраком. «В другой раз», — говорит он себе, направляясь на восток, к вокзалу.

Едва поезд отъезжает от станции, Адди достает из кармана письмо. Поскольку оно пришло вчера, он читал его уже раз шесть и не может думать ни о чем другом. Он проводит пальцами по адресу отправителя: «Польша, г. Радом, ул. Варшавская, 14».

Адди явственно видит свою маму: вот она сидит с ручкой за письменным столом из атласного дерева¹, и солнце освещает ее круглый подбородок. Он даже не представлял, что будет так сильно скучать по ней, когда шесть лет назад уезжал из Польши

¹ Атласное, или сатиновое, дерево растёт в сухих листопадных лесах юга Индии и острова Шри-Ланка. Используется в технике для изготовления некоторых деталей, а также для производства резной и инкрустированной мебели, паркета, панелей, декоративного облицовочного шпона и т. п.

во Францию. Тогда ему было девятнадцать и он всерьез подумывал остаться в Радоме, чтобы быть рядом с семьей и сделать карьеру на музыкальном поприще. Он сочинял музыку еще с подросткового возраста и не представлял лучшего занятия, чем проводить дни за клавишами, сочиняя песни. Именно мама убедила его послать заявление в престижный Политехнический институт Гренобля, а когда его приняли, она же настояла, чтобы он поехал.

— Адди, ты прирожденный инженер, — сказала она, напомнив, как в семилетнем возрасте он разобрал старый радиоприемник, рассыпал детали по обеденному столу и снова собрал его, как новенький. — Занимаясь музыкой, много не заработаешь. Я знаю, что это твоя страсть. У тебя талант, развивай его. Но сначала получи образование.

Адди понимал, что мама права, поэтому отправился в университет, пообещав вернуться домой после окончания обучения. Но как только он покинул провинциальный Радом, ему открылась новая жизнь. Через четыре года он получил диплом и предложение хорошо оплачиваемой работы в Тулузе. У него были друзья по всему миру: в Париже, Будапеште, Лондоне, Новом Орлеане. У него появились новые взгляды на искусство и культуру, он пристрастился к паштету фуа-гра и мягкому совершенству свежее испеченного круассана. У него была собственная квартира (хоть и малюсенькая) в самом сердце Тулузы, и он мог позволить себе роскошь вернуться в Польшу, когда пожелает, что он и делал по меньшей мере два раза в год: на Рош ха-Шана и Песах¹. Свои выходные он проводил на Монмартре — районе, настолько насыщенном музыкальными талантами, что для местных жителей вполне в порядке вещей пропустить стаканчик с Коулом Портером в «Хот клуб», наблюдать за импровизацией Джанго Рейнхардта в «Бриктопс» или, что довелось Адди лично, с восторгом смотреть, как Жозефина Бейкер² танцует фокстрот на сцене в «Зеллис» с гепардом в бриллиантовом

¹ Рош ха-Шана (в пер. с ивр. букв. «голова года») — еврейский Новый год, который празднуют два дня подряд в новолуние осеннего месяца тишрей по еврейскому календарю (приходится на сентябрь или октябрь). Песах — центральный иудейский праздник в память об Исходе из Египта. Начинается на четырнадцатый день весеннего месяца нисан (март-апрель) и празднуется в течение 7 дней в Израиле и 8 — вне Израиля.

² Коул Портер (1891–1964) — один из выдающихся американских композиторов легкого жанра. Джанго Рейнхардт (1910–1953) — французский джазовый гитарист-виртуоз, один из основателей стиля «джаз-мануш». Жозефина Бейкер (1906–1975) — американо-французская танцовщица, певица и актриса.

ошейнике. Адди не помнил, когда еще в жизни испытывал большее вдохновение — настолько, что начал задумываться, каково будет переехать в Соединенные Штаты, родину великих, колыбель джаза. Возможно, в Америке, мечталось ему, он сможет попытаться счастье и добавить к современному канону собственные произведения. Это было соблазнительно, но означало еще большее расстояние между ним и семьей.

Адди вытряхивает мамино письмо из конверта, и по его позвоночнику пробегает дрожь.

«Дорогой Адди, спасибо за письмо. Нам с папой понравилось описание оперы во дворце Гарнье¹. У нас все хорошо, хотя Генек все еще в ярости из-за понижения в должности, и я его не виню. Халина такая же, как всегда, такая вспыльчивая, что я часто боюсь, как бы она не взорвалась. Мы ждем, когда Яков обьявит о помолвке с Беллой, но ты же знаешь своего брата, его нельзя торопить! Я с удовольствием провожу дни с малышкой Фелицией. Жду не дождусь, когда ты с ней познакомишься, Адди. У нее начали расти волосы — ярко-рыжие! Когда-нибудь она проспит всю ночь. Бедняжка Мила совершенно измотана. Я повторяю ей, что дальше будет легче».

Адди переворачивает письмо и меняет положение. На этом месте мамин тон мрачнеет.

«Должна сказать, дорогой, что за последний месяц кое-что изменилось. Ротштайн закрыл свой металлургический завод — трудно поверить, после почти пятидесяти лет в бизнесе. Косман тоже перевез семью и торговлю часами в Палестину, после того как его магазин разгромили. Адди, я передаю эти новости не для того, чтобы ты волновался, просто мне кажется неправильным скрывать это от тебя. Что подводит меня к главной цели этого письма: мы с папой считаем, что на Песах тебе лучше остаться во Франции и повременить с визитом к нам до лета. Мы будем ужасно скучать, но считаем опасным путешествовать сейчас, особенно через Германию. Пожалуйста, Адди, подумай об этом. Дом никуда не денется — мы будем здесь. А пока что посылай нам новости, когда сможешь. Как продвигается новая мелодия?

С любовью, мама».

Адди вздыхает, снова пытаясь осознать написанное. Он слышал, что магазины закрываются, что еврейские семьи переезжают

¹ Парижская опера (также Гранд-опера, Опера Гарнье) — театр в Париже, один из самых известных и значимых театров оперы и балета мира. Расположена во дворце Гарнье в IX округе Парижа. Здание считается эталоном эклектической архитектуры в стиле боз-ар.

в Палестину. Мамины новости не стали для него неожиданностью. Его тревожит ее тон. До этого она упоминала, как все вокруг начало меняться — она была вне себя, когда Генека лишили юридической степени, — но в большинстве своем письма Нехумы были бодрыми и жизнерадостными. Еще в прошлом месяце она спрашивала, пойдет ли он с ней на концерт Монюшко в Большой театр в Варшаве¹, и рассказывала про ужин, которым они с Солом наслаждались у Вержбицкого на свою годовщину, как Вержбицкий лично приветствовал их при входе и предложил приготовить для них что-нибудь особенное, не указанное в меню.

Это письмо другое. Адди понимает, что его мама напугана.

Он качает головой. Ни разу за свои двадцать пять лет он не видел, чтобы Нехума чего-то боялась. И ни разу ни он, ни его братья и сестры не пропустили Песах в Радоме. Для мамы нет ничего важнее семьи, а теперь она просит его остаться в Тулузе. Поначалу Адди убедил себя, что она преувеличивает. Но так ли это?

Он смотрит в окно на знакомый французский пейзаж. Из-за облаков проглядывает солнце, в полях появляются робкие намеки на весенние цветы. Мир выглядит безобидным, как всегда. И тем не менее материнское предостережение поколебало его уверенность, выбило из равновесия.

Закрыв глаза, Адди вспоминает свой последний приезд домой в сентябре в поисках подсказки, чего-то, что он мог пропустить. Отец сыграл свою еженедельную партию в карты в компании приятелей-торговцев — евреев и поляков — под фреской с белым орлом на потолке аптеки Подворского. Отец Кроль, священник из церкви святого Бернадина и почитатель Милиного таланта, зашел послушать ее игру на рояле. На Рош ха-Шана кухарка испекла халу² в медовой глазури и Адди допоздна слушал Бенни Гудмена³, пил Кот-де-Нюи и смеялся с братьями. Даже Яков, как обычно

¹ Станислав Монюшко (1819–1872) — польский композитор; автор песен, оперетт, балетов, опер; творец польской национальной оперы, классик вокальной лирики. «Большой театр — Национальная опера», также Театр Вельки — оперный театр в Варшаве, построенный на Театральной площади в 1825–1833 годах по проекту Антонио Корацини. Полностью уничтожен немцами в период Второй мировой войны, восстановлен в 1965 году.

² Хала — еврейский традиционный праздничный хлеб, который готовят из сдобного дрожжевого теста с яйцами, а также часть теста, отделяемая в пользу священников. Хлеб-халу едят в шаббат и на праздники. Отделение халы — один из видов жертвоприношения.

³ Бенни Гудмен (1909–1986) — американский джазовый кларнетист и дирижёр, имевший прозвище «Король свинга».

замкнутый, отложил свою фотокамеру и присоединился к веселью. Все казалось относительно нормальным.

У Адди вдруг пересыхает в горле. Что, если подсказки были, но он не обратил на них внимания? Или еще хуже: что, если он не заметил их просто потому, что не хотел замечать?

Мысленно он возвращается к свеженарисованной свастике, которую видел на стене сада Годуи в Тулузе. К тому дню, когда подслушал, как его начальники в инженерной фирме шептались, считать ли его обузой, — они думали, что он не слышит. К магазинчикам, которые закрываются по всему Парижу. К фотографиям во французских газетах после ноябрьской «Хрустальной ночи»¹: разбитые витрины, сожженные дотла синагоги, тысячи бегущих из Германии евреев, которые везут на тачках ночники, картошку и своих стариков.

Конечно, все признаки были налицо. Но Адди не придавал им значения, отмахнулся. Он сказал себе, что в граффити нет никакого вреда; если он потеряет работу, то найдет новую; события в Германии, хоть и тревожные, происходят за границей и не выйдут за ее пределы. Однако теперь, держа в руках маминно письмо, он с пугающей ясностью видит предупреждения, которые предпочел игнорировать.

Адди открывает глаза, его тошнит от понимания: «Тебе следовало вернуться домой много месяцев назад».

Он складывает письмо обратно в конверт и убирает его в карман пальто. Он напишет маме. Как только доберется до своей квартиры в Тулузе. Напишет, чтобы она не волновалась, что он приедет в Радом, как и планировалось, что теперь он хочет быть с семьей больше, чем когда-либо. Напишет, что новая мелодия пишется хорошо и что ему не терпится сыграть для нее. Эта мысль немного успокаивает, он представляет себя за клавишами родительского «Стейнвея», в кругу семьи.

Адди бросает еще один взгляд на безмятежную сельскую местность. Завтра он купит билет на поезд, выправит проездные документы, соберет вещи. Он не станет ждать Песах. Начальник будет недоволен, что он уедет раньше намеченного, но Адди плевать. Важно только, что через несколько коротких дней он будет на пути домой.

¹ Хрустальная ночь, или Ночь разбитых витрин, — еврейский погром по всей нацистской Германии, в части Австрии и в Судетской области 9–10 ноября 1938 года. В результате нападений многие улицы были покрыты осколками витрин принадлежавших евреям магазинов, зданий и синагог.

15 МАРТА 1939 ГОДА. Через год после аннексии Австрии Германия вторгается в Чехословакию. На следующий день, почти не встретив сопротивления, Гитлер провозглашает в Праге Протекторат Богемии и Моравии. Благодаря этой оккупации Рейх получает не только территорию, но и квалифицированную рабочую силу, а также солидную огневую мощь в виде производимого в этих регионах оружия, достаточную, чтобы вооружить почти половину вермахта на тот момент.

Глава 2

Генек

Радом, Польша
18 марта 1939 года

Генек поднимает подбородок, и струйка дыма из его рта устремляется к выложенному серой плиткой потолку бара.

— Последняя партия, — объявляет он.

Сидящий напротив Рафал смотрит ему в глаза.

— Так быстро? — он затягивается собственной сигаретой. — Твоя жена пообещала что-то особенное, если ты придешь домой не слишком поздно?

Рафал подмигивает, выдыхая. Херта ужинала вместе со всеми, но ушла рано.

Генек смеется. Они с Рафалом дружат с начальной школы. Тогда, склонившись над подносами с обедом, они обсуждали, кого из одноклассниц пригласить на школьный бал в конце года или кого они предпочли бы увидеть обнаженной: Эвелин Brent или Рене Адоре. Рафал знает, что Херта не похожа на девушек, с которыми Генек встречался раньше, но любит дразнить его, когда Херты нет рядом. И Генек его не винит. До встречи с Хертой женщины были его слабостью (карты и сигареты тоже, если уж начистоту). Голубоглазый, с ямочками на щеках и неотразимым голливудским шармом, после двадцати он наслаждался ролью самого желанного холостяка Радома. В то время он вовсе не возражал против внимания. Но потом появилась Херта, и все изменилось. Теперь все по-другому. Она другая.

Что-то задевает икру Генека под столом. Он смотрит на сидящую рядом молодую женщину.

— Жалко, что ты уходишь, — говорит она, заглядывая ему в глаза.

Клара — Генек только сегодня с ней познакомился. Нет, Клара. Он не помнит. Она подруга жены Рафала, приехала из Люблина. Она лукаво улыбается уголком губ, мысок ее оксфорда¹ все еще упирается ему в ногу.

В прошлой жизни он мог бы остаться. Но флирт Генеку больше не интересен. Он улыбается девушке, немного жалея ее.

— На самом деле, мне пора, — говорит он, кладя карты на стол.

Он тушит свой «Мурад»², оставляя окурок торчать в переполненной пепельнице, словно кривой зуб, и встает.

— Джентльмены, леди, всегда рад. До встречи. Ивона, — добавляет он, обращаясь к жене Рафала, и кивает на друга, — следите, чтобы он не попал в беду.

Ивона смеется. Рафал снова подмигивает. Генек салюует двумя пальцами и идет к выходу.

Мартовская ночь на редкость холодна. Генек сует руки в карманы пальто и быстро шагает в сторону Зеленой улицы, предвкушая возвращение домой, к любимой женщине. Каким-то образом он понял, что Херта — его девушка, как только увидел ее два года назад. Он до сих пор ясно помнит те выходные. Они катались на лыжах в Закопане — курортном городке в долине гор Татры. Ему было двадцать девять, Херте — двадцать пять. Они случайно оказались на одном сиденье подъемника, и уже на десятой минуте поездки к вершине Генек в нее влюбился. Сначала в ее губы, потому что они были полными и в форме сердечка, и это все, что он мог видеть между светло-кремовой вязаной шапочкой и шарфом. Сыграл роль и ее немецкий акцент, из-за которого Генеку приходилось прислушиваться к ней так, как он не привык, и непринужденная улыбка, и то, как на полпути к горе она запрокинула голову, закрыла глаза и сказала:

— Разве можно не любить запах сосны зимой?

Генек рассмеялся, на мгновение подумав, что она шутит, но понял, что это не так. Ее искренность вызвала у него восхищение, как и ее нескрываемая любовью к природе и умение видеть красоту в самых простых вещах. Генек последовал

¹ Оксфорды — стиль обуви, полуботинки с «закрытой» шнуровкой. Женщины впервые стали носить оксфорды в 1920-х годах.

² Murad — турецкие сигареты из душистого табака, которые изготавливались вручную. Бренд прославился благодаря уникальному дизайну пачек и широкой рекламной кампании.

за ней вниз по склону, стараясь не слишком думать о том, что она катается в сто раз лучше, затем пристроился рядом с ней в очереди на подъемник и пригласил на ужин. Когда Херта засомневалась, он улыбнулся и сказал, что уже оплатил конные сани. Она засмеялась и, к восторгу Генека, согласилась на свидание. Через полгода он сделал ей предложение.

Войдя в квартиру, Генек с радостью замечает свет под дверью спальни. Херта лежит в кровати с любимым томиком стихов Рильке на коленях. Она родилась в Бельско, городе в западной Польше, большая часть населения которого говорила на немецком. Теперь она редко разговаривает на родном языке, но с удовольствием читает на нем, особенно поэзию. Она, похоже, не замечает, когда Генек входит в комнату.

— Должно быть, захватывающее стихотворение, — поддразнивает он.

— Ой! — поднимает глаза Херта. — Я не слышала, как ты пришел.

— Я волновался, что ты будешь спать, — улыбается Генек.

Он снимает пальто и бросает его на спинку стула, дышит на руки, чтобы согреть их.

Херта улыбается и кладет книгу на грудь, заложив пальцем страницу.

— Ты вернулся намного раньше, чем я думала. Проиграл все деньги? Тебя выгнали?

Генек снимает ботинки и блейзер, расстегивает манжеты рубашки.

— Вообще-то, я выиграл. Сегодня хороший вечер. Просто скучно без тебя.

В бледно-желтой сорочке, с глубоко посаженными глазами, идеальными губами и рассыпавшимися по плечам темно-русскими волосами, на фоне белого белья Херта выглядит явившейся из сна, и Генек снова напоминает себе, как безмерно ему повезло ее найти. Он раздевается до нижнего белья и забирается к ней в кровать.

— Я скучал по тебе, — говорит он, опираясь на локоть и целуя ее.

Херта облизывает губы.

— Твой последний напиток, дай угадаю... «Биша».

Генек кивает, смеется и снова целует ее. Их языки встречаются.

— Любимый, нам надо быть осторожнее, — шепчет Херта, отстраняясь.

— Разве мы не всегда осторожны?

— Просто... то самое время.

— Ох, — говорит Генек, наслаждаясь ее теплом, сладким цветочным ароматом шампуня на ее волосах.

— Было бы глупо допустить это сейчас, — добавляет Херта, — как ты считаешь?

Несколько часов назад за ужином они с друзьями разговаривали об угрозе войны, о том, как легко Австрия и Чехословакия упали в руки Рейха и какие изменения начались в Радоме. Генек громко возмущался своим понижением до помощника в юридической конторе и грозился переехать во Францию.

— По крайней мере там, — кипятился он, — я смогу использовать свою степень.

— Не уверена, что во Франции тебе будет лучше, — сказала Ивона. — Фюрер теперь нацеливается не только на немецкоговорящие территории. Что, если это только начало? Что, если Польша следующая?

На миг за столом воцарилась тишина.

— Невозможно, — нарушил ее Рафал, пренебрежительно мотнув головой. — Он может попытаться, но ему не дадут.

— Польская армия никогда этого не допустит, — согласился Генек.

Теперь он вспоминает, что во время этого разговора Херта извинилась и ушла.

Конечно, его жена права. Им следует быть осторожными. Было бы неразумно и безответственно привести ребенка в мир, который кажется настораживающе близким к краху. Но лежа так близко к Херте, Генек не может думать ни о чем, кроме ее кожи, изгиба ее бедра рядом с его. Ее слова, словно крошечные пузырьки из последнего бокала шампанского, поднимаются от ее губ и растворяются где-то у него в горле.

Генек целует ее в третий раз, и Херта закрывает глаза. «Она не на полном серьезе», — думает он и тянется через нее к выключателю, ощущая под собой ее мягкость. Комната погружается в темноту, и он скользит ладонью под ее сорочку.

— Холодный! — визжит Херта.

— Прости, — шепчет он.

— Генек...

Он целует ее скулу, мочку уха.

— Война, война, война. Я уже устал от нее, а она даже не началась.

Он проходит пальцами по ее ребрам вниз к талии.

Херта вздыхает, потом хихикает.

— Вот что я думаю, — добавляет Генек, округляя глаза, словно на него только что снизошло озарение. — А если войны не будет? — он недоверчиво качает головой. — Мы зря будем отказывать себе. И Гитлер, мелкий ублюдок, выиграет.

Он сверкает улыбкой.

Херта проводит пальцем по его щеке.

— Эти ямочки меня погубят, — качает она головой. Улыбка Генека становится шире, и Херта кивает. — Ты прав, — неохотно соглашается она. — Это было бы трагедией.

Ее книга с глухим стуком падает на пол, и Херта поворачивается на бок лицом к мужу.

— Bumsen den krieg¹.

Генек смеется.

— Согласен. К черту войну, — говорит он, накрывая их обоих одеялом с головой.

¹ К черту войну (нем.)